

Как возможна русская философская герменевтика?

© 2019 г. В.П. Римский

Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, 308007,
ул. Королева, д. 7.

E-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

Поступила 21.03.2019

В статье отмечается отсутствие адекватной идентификации как истории русской философии и ее виднейших представителей, так и самих себя в философии — и как таковой, и в контексте «мировой философии». Мы пребываем в плену то старых, то новых идеологических схем интерпретации и понимания отечественной философии и культуры. Пытаемся вывести некий «специфический признак» русской философии, находя его либо в «теоцентричности» русской мысли, либо в ее «этикоцентричности», либо в «литературоцентричности», либо в какой-то особой «русской проблематике» (поиск «русской идеи» или «особого пути России», будто бы немецкая философия в свое время не искала таковую особенность Германии). Можно говорить об особой «национальной» философии, но только в том случае, если мы ее рассматриваем как «форму знания», отличную и от богословия, и от литературы, и от науки. А форма всегда схватывается в языке и стиле национальной философии. По мнению автора, всякая истинная философия — содержательно универсальна и отличается не столько по содержанию (все философские темы и проблемы «вечны» и универсальны), сколько по форме. А форма по преимуществу имеет языковое и стилистическое отличие, связанное с самопониманием и пониманием других культур и философий, то есть любая состоявшаяся национальная философия изначально герменевтична как бытие в Слове.

Ключевые слова: герменевтика, понимание, философское знание, русская философия, Г.Г. Шпет.

DOI: 10.31857/S004287440007157-7

Цитирование: Римский В.П. Как возможна русская философская герменевтика? // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 27–31.

How is Russian Philosophical Hermeneutics Possible?

© 2019 г. Viktor P. Rimsky

Belgorod State Institute of arts and culture, 7, Korolev str., Belgorod, 308007, Russian Federation.

E-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

Received 21.03.2019

The article notes the lack of adequate identification of the history of Russian philosophy and its most prominent representatives, as well as themselves in philosophy – both as such, and in the context of «world philosophy». We are in thrall to old or new ideological patterns of interpretation and understanding of Russian philosophy and culture. For example, we try to deduce a «specific feature» of Russian philosophy, which is found in its «theocentricity», in «ethics-centricity», in «literary-centricity», or in some special «Russian problems» (the search for «Russian idea» or «a different way of Russia», as if the German philosophy at the time did not look for the same peculiarity of Germany). This is the case if we consider philosophy as a «form of knowledge», which is different both from theology, and from literature, and from the scientific form of knowledge. And the form is always grasped in the language and style of national philosophy. Every true philosophy is substantially universal and differs not so much in content (all philosophical themes and problems are «eternal» and universal), but in form. And the form has mainly linguistic and stylistic difference associated with self-understanding and understanding of other cultures and philosophies; it means that any established national philosophy is initially hermeneutical as a being in the Word.

Key words: hermeneutics, understanding, philosophical knowledge, Russian philosophy, G.G. Shpet.

DOI: 10.31857/S004287440007157-7

Citation: Rimsky, Viktor P. (2019) 'How is Russian Philosophical Hermeneutics Possible?', *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2019), pp. 27–31.

Однажды я получил на экспертизу текст о герменевтической традиции в России, в котором «русская герменевтика» рассматривалась и как специфическое философское мышление или вообще русский ментальный стиль, и как форма русской культуры и философии, одним словом, весьма эклектично и сумбурно. В письме автору я высказал парадоксальную мысль: может быть, какой-то особой «русской философии», о которой пишут, вообще нет? Может, это идеологический или в лучшем случае квазинаучный конструкт? Есть Россия, русские люди (живые, конкретно-исторические), в том числе и философы, есть их история и реальная, живая жизнь, в ходе которой они создавали и развивали культуру и философию. А культура и философия – они или есть, или их нет. Независимо от «национальной формы»... Желательно прояснить положение о том, что о «русской философии» можно говорить лишь в той мере, если она состоялась как таковая, «чистая философия» (в этом понимании сходны, например, и Г.Г. Шпет, и И.А. Ильин), как часть мировой, *универсальной философской традиции*.

Так может специфика русской философии и заключается в ее герменевтичности? Существует мнение, что герменевтика – это мыслительная процедура толкования, интерпретации. Однако такое технологическое отношение к герменевтике уводит нас

в узкие филологические, текстологические или семиотические процедуры мышления. Если речь вести о философской герменевтике, то основная тематика в ней — *понимание*, так что «понимание» и «герменевтика» — это далеко не одно и то же. Часто такое разведение производится, но оно бывает и не изначально, и не концептуально. «Понимание» — феномен и онтологический, и культурный, и антропологический, и эпистемологический, и герменевтический, если под герменевтикой разуместь процедуру профессионального гуманитарного мышления (в том числе и философского).

Понимание — это не просто перевод и истолкование философских текстов, но всегда такое схватывание «всей полноты мыслимого мыслителем» [Хайдеггер 2009, 30], когда интерпретация вечных философских проблем, *всеобщих идеальных предметов* исходит из полноты феноменологического проникновения в эти предметы, в их значения и смыслы, а не только в концептуальное бытие текстов, выражающих философское мышление, в глубины контекстов, филологических и экзистенциальных. Например, сам Хайдеггер фактически онтологизировал «герменевтику», пытаясь ее противопоставить феноменологии Гуссерля. Но мы не истолкуем до конца его «Бытие и время», если не поймем этот текст с учетом такого события, как Хайдеггерово прочтение под влиянием Х. Арендт романа Т. Манна «Волшебная гора» [Сафрански 2005, 258–259], романа о времени в смерти и бытии к смерти. Здесь собственно и возникает проблемная дихотомия «понимание — герменевтика», которая от нас требует через историко-философские и историко-культурные интерпретации прийти к собственному *пониманию проблемы* «понимания в философской герменевтике» как итогу и одновременно задаче.

Сразу же возникает и проблема «феноменологии», которая, на мой взгляд, не сводится только к «феноменологии Гуссерля», но затрагивает и «феноменологию» Гегеля. Вообще, на мой взгляд, русская философия в глубине остается ближайшим развитием немецкой классики и диалогом с ней. Именно в этой направлении, например, лежит уразумение того, что И.А. Ильин и Г.Г. Шпет (у них собственное видение и проблемы понимания, и феноменологии, и герменевтики) «занимались Гегелем» уже после знакомства (или в процессе знакомства) с Гуссерлем. Первый дал непревзойденное «герменевтически понимающее» прочтение гегелевской философии [Ильин 2002], что у многих историков философии как-то пролетает мимо, а второй оставил нам перевод «Феноменологии духа» ([Гегель 1959], см. также: [Щедрина 2019]), поэтому «диалектику» всегда надо искать в контексте интерпретации почти всех шпетовских текстов, ранних и поздних. И если обратиться к историко-философскому изложению проблемы «понимание — феноменология — герменевтика», мы увидим, что русские философы, идя от мировой традиции, на рубеже XIX–XX вв. во многом критически осмысливают Гегеля, неокантианство, «философию жизни» и феноменологию и в чем-то их опережают. Если опережают, то в чем? Как возможна русская герменевтическая традиция?

Концептуализация «понимания» у романтиков и Шеллинга (не только у Шлейермахера, который свел его к герменевтике) очевидным образом повлияли на концепт «живого знания» славянофилов и «цельного знания» В.С. Соловьева (хотя последний не увидел оригинальности славянофилов в обращении к восточной патристике, к христианской «понимающей герменевтике», «герменевтической мистике», «герменевтической онтологии» в духе Дионисия Ареопагита или Григория Паламы). И славянофилы, и В.С. Соловьев, каждый по-своему, развили интерпретацию феномена «понимание» в противовес рационалистическим версиям Гоббса, Локка, Юма, Канта. Нельзя обойти и вопрос о влиянии славянофилов и В.С. Соловьева на В.В. Розанова. Например, во время написания им работы «Понимание» [Розанов 1994] — этот текст В.В. Розанова до сих пор адекватно не исследован, не объяснен и не интерпретирован. Столь же актуально рассмотреть, как на В.В. Розанова влияла античная традиция философского понимания. Ведь он явно ссылается в книге о понимании на Аристотеля, определяя разум как «потенцию понимания» и противопоставляя его новоевропейскому рационализму (и одновременно занимаясь новаторским переводом аристотелевской «Метафизики»).

Столь же оригинален в своем понимании понимания А.Ф. Лосев, когда в работах 20-х годов идет дальше всех в синтезе Шеллинга, Вл. Соловьева, Гуссерля и восточной патристики. Но как рассматривать А.Ф. Лосева без Павла Флоренского и без имяславия? Мы раньше, чем на Западе, откопали собственную философскую глубину в восточной патристике, а Запад ее только открывает для себя, в том числе Паламу и исихазм. У раннего Лосева мы имеем религиозно-философский онтологизм в «феномене понимания», причем, вполне более оригинальный и глубокий, чем тот, который в это же время пытается «высветить» в истине бытия Хайдеггер. Здесь есть и точки пересечения с И.А. Ильиным: как с его диссертацией, так и с поздними работами, вплоть до «Аксиом религиозного опыта». Полагаю, что и А.Ф. Лосев, и И.А. Ильин в начале XX в. далеко опережали по глубине и ясности мыслителей Запад (я не умаляю их заслуг перед философией, Хайдеггер велик, как и вся немецкая мысль).

Отдельная тема — концепция феноменологии, герменевтики и русской философии Г.Г. Шпета, которая стоит особняком: в прямом смысле «отдельно», как действительно капитальное «строение» и «здание» русской философии, и в переносном, как особый философский проект и «задание» будущим поколениям. Сразу же отмечу, что вряд ли стоит относить к критической и всецело негативистской позиции в оценке русской философии историко-философское исследование Г.Г. Шпета, принятое им в «Очерке развития русской философии» [Шпет 2008; Шпет 2009]. Данная работа, как и другие его труды, скорее представляет попытку демифологизации и преодоления схем и стереотипов в истории философии, как русской, так и западной, стремится диалектически снять дилемму «заимствования» и «самобытности» той или иной «национальной философии» путем изучения ее в пространстве конкретно-исторической действительности культуры. Вся концепция истории русской философии у Г.Г. Шпета строится на понимании специфики философии в качестве «чистого знания». Он различает философию как «мировоззрение», как «научную философию» и как «чистое знание» («чистое» в его понимании — незаинтересованное, не прагматичное знание, не связанное с «мировоззрением», моралистической нормативностью, научными или социальными проектами).

Но и здесь возникает вопрос: почему же в исследовании генеалогии русской философии он ставит ей в вину именно «прагматизм», как политический и этатистский, так и моралистический, будто где-то существовала в те времена (как и во все времена) некая «чистая философия», философия как «чистое знание»? Разумеется, таковую он и не мог найти не только в XIX в., но и вокруг себя при жизни. Такой философии никогда не было, нет и не будет... Разве что «профессорская философия» претендовала и претендует до сих пор на этот статус. Но ей, чтобы получать свой хлеб, все время приходится доказывать свою «научность», что нарушает ее первородную чистоту за похлебку из грантов и стимулирующих доплат к окладу.

На Западе нас не «понимали» и не «понимают». Мы и сами до сих пор неадекватно интерпретируем и оцениваем то, что входит в понимание «понимания»: герменевтика, оценка, исследование, аналитика, объяснение и т.д. никак не устранимы из «адекватного понимания», «целостного понимания». Понимание всегда целостно, это именно «целостное понимание», которое восходит к античной *theoria* — «размышлению», «рассмотрению», «умозрению», «истолкованию», «учению», но и «зрелищу», и «созерцательной жизни».

Источнику — Primary Sources in Russian and Russian Translation

Гегель 1959 — *Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Перевод Г. Шпета. М.: ИФ АН СССР, 1959 [Hegel, Georg W.F. Die Phänomenologie des Geistes (Russian Translation)].*

Ильин 2002 — *Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. Т. 1–2. М.: Русская книга, 2002 [Ilyin, I.A. Hegel's Philosophy as a doctrine of the specificity of God and man (in Russian)].*

Розанов 1994 — *Розанов В.В. О понимании. СПб.: Наука, 1994 [Rozanov, Vasilii V. About understanding (in Russian)].*

Хайдеггер 2009 – *Хайдеггер М.* Парменид. СПб.: Владимир Даль, 2009 [Heidegger, Martin *Parmenides* (Russian Translation)].

Шпет 2008 – *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. I / отв. ред.-сост., коммент., археограф. работа Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2008 [Shpet, Gustav G. *Outline of Russian philosophy development. I.* (in Russian)].

Шпет 2009 – *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. II. Реконструкция Татьяны Щедриной. М.: РОССПЭН, 2009 [Shpet, Gustav G. *Outline of Russian philosophy development. II. Reconstruction of Tatiana Shchedrina* (in Russian)].

Ссылки – References in Russian

Сафрански 2005 – *Сафрански Р.* Хайдеггер. Германский мастер и его время. М.: Молодая гвардия, 2005.

Щедрина 2019 – *Щедрина Т.Г.* Судьба шпетовского перевода «Феноменологии духа» (методологические заметки) // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 79–93.

References

Safransky, Rüdiger (2005). *Heidegger. German master and his time*, Young guard, Moscow (In Russian).

Shchedrina, Tatiana G. (2019) 'The Fate of Gustav Shpet's translation of *The Phenomenology of Spirit* (Methodological Remarks)', *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2019), pp. 79–93.

Сведения об авторе

РИМСКИЙ Виктор Павлович –
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры.

Author's information

RIMSKY Viktor P. –
DSc in Philosophy, Professor, Professor head of the Department of philosophy, cultural studies, science of the Belgorod State Institute of Arts and Culture.